

Юлий Буркин

Королева белых слоников



*Часть сборника
Королева белых слоников
(сборник)*



Юлий Буркин
Королева белых слоников

«Автор»

2004

Буркин Ю. С.

Королева белых слоников / Ю. С. Буркин — «Автор», 2004

Увлечшись молодой девушкой, подающий большие надежды писатель думал, что в его жизни начинается роман о Великой Любви. Но как оказалось, это была лишь небольшая повесть о двух людях, которые оказались в плену безумной страсти...

© Буркин Ю. С., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Где мы с ней спали	6
Сауна на «Волгаконе»	9
У меня осталась одна радость в жизни...	10
Одесса, балкон	11
Выборы. У Эли.	15
Северск	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юлий Буркин

Королева белых слоников

«... Его сослуживцы уже привыкли, что я там все время торчу, считается, что я готовлюсь к поступлению. Во всяком случае, никто ни на что не намекает. Когда все уходит, мы остаемся одни и ведем разговоры обо всем на свете и еще целуемся. Почему-то я не стесняюсь его ни в чем...»

Юлий Буркин. «Вика в электрическом мире»¹

«... Ну что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!»
Владимир Высоцкий. «Кони привередливые»

«... Писатель: Я писатель.

Читатель: А, по-моему, ты г...о!

Писатель стоит несколько минут потрясенный этой новой идеей и падает замертво. Его выносят...»

Даниил Хармс. «Четыре иллюстрации того, как новая идея огорошивает человека, к ней не подготовленного»

Когда я валялся на больничной койке, с брюхом вспоротым здоровенным китайским ножом, а заплаканная Элька сидела рядом, я говорил: «Я еще напишу о нас книгу. Это будет эпохальный роман. Со счастливым финалом. Роман о Великой Любви. Читая его, девочки будут рыдать, а мальчики дрончить...» Возможно, так бы оно и было, но финал не удался, Великая Любовь не получилась, и за этот текст я взялся лишь десять лет спустя. И, похоже, вместо грандиозного романа это будет лишь небольшая повесть.

* * *

Часто, после того, как Эля звонила мне и говорила, что скоро приедет, я, сгорая от нетерпения, запираю кабинет и раскладывал на столе коллекцию ее фотографий. Их у меня было штук тридцать. Я рассматривал снимки, и это помогало мне дождаться ее, не свихнувшись. Она стучала в дверь кабинета, я открывал. Она входила, озаряя собой комнату, бросала взгляд на усыпанный фотографиями стол и неизменно повторяла:

– Маньяк.

Она только что окончила школу, готовилась в университет на журналистику и забрела в нашу редакцию, чтобы сделать несколько необходимых для поступления газетных публикаций. Сраженный ее глазами цвета небесной невинности и прической «взрыв на макаронной фабрике», я вызвался ей помочь.

Но мне казалось, что это не я чему-то учу ее, а она меня. Или так оно и было? Наверное, мы оба учили друг друга, учились вместе, друг у друга – любить. То есть, получать от жизни кайф. Это было не совсем нормально, при том, что я был женат, и у меня было двое сыновей. Но не я тут первый, не я последний.

Где мы с ней спали

Сейчас у человека, желающего провести час-два с женщиной, проблем нет. Сейчас тебя поселят в гостиницу или запустят в сауну, не заглянув в паспорт... Я выпрашивал ключ от квартиры у кого-нибудь из холостых друзей на то время, пока он был на работе.

Сперва это была общежитская комнатка журналиста Сергея Черноярова. Обычно, когда мы шли туда, по дороге Эля покупала себе бутылку молока: для поддержания сил. И даже это возбуждало меня, напоминая, что ей – шестнадцать, против моих двадцати шести. Я себе казался тогда очень старым.

Собственно, именно у Черноярова мы впервые и добрались до постели. Мы «дружили» целых полгода. Потом стали целоваться, стали вечерами оставаться у меня в кабинете и торчать там до позднего вечера. Понемногу наши обнимания и целования приобрели нешуточный характер, и я понял, что безумно хочу ее, а на остальное мне наплевать.

А тут, как раз накануне моего дня рождения, Чернояров поехал в командировку, и я впервые выпросил у него ключ. Я пригласил ее. Она спросила, кто там будет, и я ответил, что будем только мы вдвоем. Эля посмотрела на меня чуть испуганно, но сказала: «Я приду». Позднее она говорила, что примерно представляла, что там может произойти, но надеялась, что до этого все-таки не дойдет.

Она пришла. Уже был готов импровизированный столик на двоих – бутылка шампанского, яблоки и сыр. Меня потрясывало. Я стал открывать шампанское и не смог: сильно дрожали руки. Тогда я додумался проткнуть пробку вилкой. Шампанское тонкой струей ударило в потолок. Все это было ужасно глупо, я выглядел идиотом. Элька смотрела на меня насмешливо.

Держа бутылку, как огнетушитель, я попытался наполнить бокалы этой тоненькой струйкой, но выходила одна сплошная пена. Кое-как мне все-таки удалось добиться того, что на доньшках бокалов что-то заплескалось. Мы выпили за меня, я поцеловал ее. И тут я понял, что тянуть больше не могу. И заявил: «Мы сейчас начнем с того, чем все равно должно кончиться...»

Она смотрела на меня своими удивительными безмятежными глазами, словно говоря: «Я, конечно, в твоей власти, но ты же не такой...» Но я был такой. Не слишком, но такой. Я снял с нее кофточку, стал целовать грудь... И тут увидел нечто, что чуть было не охладило весь мой пыл. Я увидел на ее левой груди расплывчатое пятнышко-родинку.

За несколько лет до этого я написал что-то вроде маленькой повести под названием «Пятна грозы»², и там, словно Галатею, создавая в мечтах возлюбленную, я нафантазировал именно такую родинку. Именно на этом месте. Но я отогнал от себя наваждение и, укрепившись в своем решении, мол, «судьба», полез расстегивать её знаменитые штаны. Это были очень смешные штаны, полосатые, по форме напоминающие галифе. Элька сама изобрела и сшила их.

Она вцепилась в замок-молнию и стала взволнованно говорить о том, что, если я не прекращу этого, она больше никогда ко мне не придет. Но я вел себя, как баран, да я и есть Овен. Мы стали бороться, и я сумел-таки стянуть с нее брюки и трусики, но она то и дело совершала какое-то хитроумное передергивание бедрами, и желаемое мне не удавалось.

Ответственности «за растление несовершеннолетней» я не боялся. Потому что знал: она на меня не заявит, ведь никакое это не «растление», а любовь. Причем, взаимная. Просто, я – старше, и инициатива должна исходить от меня. Но меня мучил страх ее потерять, я боялся, что она не шутит, говоря, что никогда больше не придет. У меня даже почти пропало желание.

² burkin.rusf.ru/books.

И все же упрямство и другой страх – страх опозориться в ее глазах – заставляли меня продолжать борьбу, и в какой-то момент она замерла с открытыми от ужаса глазами, а я понял, что она действительно еще девственница, но на этом все и кончилось. Я вообще-то спрашивал ее раньше, был ли у нее кто-нибудь, она отвечала как-то уклончиво: например, – «ну, кое-что было...» или «не совсем...» Потом она объяснила, что стеснялась признаться в своей неопытности.

Одеваясь, она говорила: «Ну, ты даешь... От тебя я не ожидала...» Но на её лице не было ни злости, ни обиды. Я проводил ее на автобус, и мы договорились встретиться послезавтра. Правда, она сказала, что не уверена, захочет ли приехать. Но, она приехала, и мы опять пошли к Черноярову, и я раздел ее уже без борьбы... Ей вновь было больно, но на этот раз я был в форме, и «со второй попытки» я все-таки лишил ее девственности окончательно.

Мы уже давно встречались с ней каждый день, теперь мы при этом стали еще и заниматься любовью. Каждый день и подолгу. От нее пахло молоком, и она отзывалась на малейшее мое движение. Она вся словно была сделана из эрогенных зон. Любое прикосновение заставляло ее вздрагивать, всхлипывать. Она кусала до крови губы. В какой-то момент она начинала трахаться дико, как автомат – сильно, без остановки, будто тело уже было не ее. Потом срывалась на истерику и рыдала. Я спрашивал, что с ней, и она отвечала: «Не знаю...» И пыталась улыбнуться.

Я просто сходил с ума.

Обычно в постели мужчина и женщина – полноправные партнеры. Каждый стремится получить удовольствие и доставить удовольствие другому. Такое сотрудничество приводит к тому, что остаются довольны обе стороны. Но с Элькой все было не так. Она не была партнером, она была безвозмездной стихией. Она ничего не хотела ни для себя, ни для меня, она вообще не думала, она растворялась во мне и растворяла меня в себе.

После комнаты Черноярова была квартира фотографа Жабина. Потом квартира моего друга журналиста Кости Попова, потом квартира моего одноклассника Балашова... Короче, пять лет. Были не только квартиры, но и разные экзотические места. Например, крыша областной партийной газеты «Красное знамя». Элька как-то пришла ко мне часа за три до окончания моей работы, она думала, я смогу сбежать с ней на пляж, но я не смог. У нее с собой было одеяло, и я придумал отправить ее загорать на плоскую крышу редакционной девятиэтажки. Нашел завхоза, выпросил у него ключ на чердак... Загорала она само собой голая, никто ведь не увидит... Как вы думаете, долго я высидел в кабинете, зная, что моя любимая женщина лежит нагая в двух шагах от меня?..

Или вот еще. Сейчас в этом здании находится ресторан «Б-52», а тогда там располагалась университетская кафедра журналистики, где Элька училась. Сторожем был пацан из ее группы, и, если нам некуда было пойти, мы, захватив пару бутылок вина, шли туда, трахаться на столах, за которыми днем она училась или сдавала какие-нибудь зачеты. Ей-богу, сейчас, превратившись в «злачное заведение», это помещение стало много целомудреннее.

Знаете, как бы глупо это не прозвучало после столько раз повторенного мною слова «трахаться» и натуралистической картинке нашего первого сексуального опыта, самым главным чувством, которое я испытывал, когда мы оказывались вместе, было не влечение, а ощущение свежести, света и чистоты.

... Мы использовали любую возможность побыть вместе. Меня, как журналиста молодежной газеты, отправили учиться в ВКШ. Эля примчалась в Москву. Она нашла там какую-то дальнюю родственницу, и та на пару дней пустила нас к себе. У Эльки, как назло, были месячные, но мы подстелили под простыню снятую со стола клеенку, и вскоре наша постель напоминала стол мясника... А для моей жены такие дни означали полное вето на секс.

Когда меня забрали на армейские сборы в Новосибирское Политическое Училище, Элька приехала туда. Я сумел взять увольнение, и почти целые сутки мы провели в гостинице «Золотая долина» новосибирского Академгородка. «Почти» потому, что, сличив наши паспортные данные, администраторша среди ночи устроила дикий скандал. Я попытался дать ей взятку, но она от этого расвирепела еще пуще. В результате мы с Элькой до утра болтались по зимним улицам Академгородка, а потом вернулись в гостиницу отсыпаться и греться. Ведь с утра и до 11.00 никто не мог запретить мне приводить в свой номер «гостей»...

Нам было наплевать на все, лишь бы быть вместе.

Пять лет я жил этой двойной жизнью. Люди смотрели кино «Осенний марафон» и смеялись, а я с трудом сдерживал слезы. Очень тяжело и больно обманывать двух женщин в течение пяти лет. И это не смешно. Если в одну ты влюблен по уши, а другая – мать твоих любимых сыновей.

* * *

Да, это была моя вторая жизнь, наполненная счастьем и бедами. К тому времени по журнальным публикациям меня уже знали любители фантастики, и моя жизнь в большой степени слилась с жизнью Фэндомы – мира отечественной фантастики. Я начал постоянно мотаться на различные «конвенты»³ и фестивали, иногда прихватывая с собой Элю. Это были дни ворованного счастья, ведь дома оставались жена и двое пацанов. А совесть молчала, было только голимое счастье.

³ Съезды фэнов. Иногда их называют «фестивалями фантастики», «конгрессами фантастов» или как-нибудь еще. Все эти названия имеют некоторые смысловые и сутевые оттенки, но в сущности все это – примерно одно и то же.

Сауна на «Волгаконе»

Вот и в Волгоград на конвент «Волгакон» я приехал с Элей. В подвале «Интуриста», где мы расположились, обнаружилась небольшая сауна. Я подошел к ее заведующему – пожилому узбеку:

– Скажите, а можно к вам в сауну прийти с девушкой?

С сильным акцентом тот отозвался:

– И конечно, это не ваша жена?

– Конечно, – ответил я, уже представляя унижительную процедуру сверки штампа в паспорте с Элиными данными и собираясь уходить. Но узбек продолжил:

– В Советском Союзе это невозможно. У меня это стоит двадцать пять рублей...

У меня осталась одна радость в жизни...

Был конец октября. Мы с Элькой приехали в Юрмалу, в Дубулты на семинар молодых писателей-фантастов. Я был там уже во второй раз и, помнится, сильно рассердил одного из организаторов – милейшую Нину Матвеевну Беркову – тем, что приехал не один. Однако все обошлось.

Было классно. Мы жили в Доме творчества имени Райниса. По утрам мы выходили прогуляться вдоль берега Балтийского моря. Небо с утра было налито свинцом, с моря дул ветер, и мы шли, кутаясь в куртки и прихлебывая из бутылки кофейный ликер «Мокко».

Времена были не очень-то богатые: нас – фантастов – еще не печатали, а так как все мы ничем другим серьезно заниматься не хотели, то были бедны. Халявный дом творчества был подарком от Союза Писателей и инициативной группы. Наши вечерние посиделки в какой-нибудь из комнат были хоть и веселыми, но довольно скудными: принесенные из столовой остатки ужина (пять-шесть котлет и тарелка нарезанного хлеба), какие-то, оставшиеся от дорожных припасов, консервы и, наконец, водка, на которую мы периодически скидывались.

Помню второй день моих вторых Дубултов, когда в разгар такого небогатого пьянства в комнате появились два днепропетровца – Саша Кочетков и Саша Левенко, открыли свои дорожные сумки и достали шмат сала, солидный запас домашней копченой колбасы, трехлитровую банку домашнего же овощного рагу и бутылку горилки. Это был праздник.

А на следующее утро Кочетков еще раз поразил меня. Мы с Элькой, как повелось, вышли на берег... И тут из гостиницы выскочил Саша – стройный, подтянутый и загорелый – в трусах, вприпрыжку побежал к морю и, не замедляясь, вбежал в маслянистую от холода гладь. Мне даже смотреть на это было зябко. А он, набултыхавшись в пенистых приливных волнах, так же вприпрыжку убежал обратно в Дом творчества.

Кстати, ему первому я дал тогда рукопись только что написанной повести «Бабочка и василиск»⁴. Саша сказал мне: «Эта вещь страшна тем, что в ней ты достиг совершенства, и в этом стиле, не повторяясь, писать ты больше не сможешь». Я поверил ему и больше в этом стиле не писал. Зря, наверное. Но вообще-то рассказать я хотел совсем о другом.

Случился там с нами забавный эпизод. Мы сидели в баре и пили кофе, когда к нам подсел какой-то старикан, лет не меньше восьмидесяти. Его бледный веснушчатый череп был покрыт редкими седыми волосками. Хлебнув коньяку, он обратился к нам:

– Молодые люди, а известно ли вам такая фамилия – Славичус⁵?

– Нет, – признались мы.

– Как это печально, – покачал головой старикан. – А когда-то я был самым популярным писателем Прибалтики. Меня узнавали в лицо, а не то, что по фамилии... Теперь же в моей жизни осталась одна-единственная радость. – Помолчав, он придиричиво оглядел нас и закончил: – Секс.

Мы с Элькой чуть не свалились со стульев.

Интересно, шутил он или нет? Молодец, в любом случае.

⁴ burkin.rusf.ru/books.

⁵ На самом деле была какая-то другая прибалтийская фамилия, но я ее не запомнил.

Одесса, балкон

Иногда на лето Эля уезжала в Одессу к сестре Ленке. Я звонил ей каждый день или через день. Старался говорить по телефону с работы, из редакции, иначе счет за межгород мне домой пришел бы астрономический. А потом меня неожиданно выбрали в число делегатов учредительного съезда Союза Журналистов России. Я поехал. Остановился по брони в гостинице «Россия».

Шикарно. Из окна видна Красная площадь. В комнате на двоих – японский телевизор с дистанционным управлением. В буфете – пиво и сосиски... Сосиски раза в два дешевле, чем в городе. И дают без ограничений. Это в то время, когда в одной московской столовой я наткнулся на объявление: «Норма отпуска сосисок. Мужчинам – 3 шт. Женщинам и детям – 2 шт.»

И пиво! А у нас в Томске на год раньше, чем по всей стране, развернулся лигачевский сухой закон. Пивзавод угробили. Я пива не пил уже год. Если бутылочное привозное где-то и выбрасывали, оно в пять минут сметалось обезумевшей толпой... Я сразу спросил у буфетчицы:

- У вас пиво всегда, или оно иногда кончается?
- Иногда кончается, – призналась та.
- Тогда дайте двадцать бутылок. И десять сосисок.

Буфетчица странно на меня посмотрела и дала. Я сел за столик и стал под сосиски тупо опустошать бутылку за бутылкой, решив: что останется, унесу в номер. На меня и батарею бутылок на моем столике косились. К тому моменту, как я одолел десять бутылок, я уже понял, каким выгляжу идиотом. «Иногда кончается» буфетчицы означало лишь то, что иногда возникала пауза в две-три минуты: пока грузовой лифт везет бутылки со склада...

Мой сосед по номеру был глухонемым. Делегат учредительного собрания Российского Общества Глухонемых... То есть, моя полная противоположность.

Я ходил на первое заседание нашего съезда и понял, что умру с тоски. Деньги были, я безумно соскучился по Эльке и решил на время съезда слинять в Одессу. В принципе, я задумал это еще в Томске, решив, что сбегу в Одессу, если будет неинтересно. Было более чем неинтересно. Было просто омерзительно.

Я взял билет до Одессы на следующий день. Его цена как раз соответствовала сумме, сэкономленной на гостинице. Таким образом, к Эльке в Одессу я ехал за счет новорожденного (мертворожденного) союза.

В запасе у меня был целый вечер, и провести его я решил со старым знакомым – музыкантом Валерой Килиным. Он работал в это время в Москве, в ресторане «Спектр». Играл в группе, а между песнями исполнял классическое фламенко на акустической гитаре.

С ним меня связывало и одно неприятное воспоминание. Я, Элька, ее подруга Таня и Валера Килин два года назад столкнулись на застолье у моего знакомого Андрея Кахаева. Пили, танцевали под магнитофон. Валера пригласил Эльку, они стали танцевать... В какой-то момент я оглянулся и увидел, что они целуются. В губы. Я не мог этого видеть. Я подскочил к ним... Драться с Валерой? Но с какой стати? Ему понравилась эта девушка, так она и мне нравится. Я его прекрасно понимал... И тогда я ударил Эльку.

Потом было много слез, объяснений, признаний, разборок, извинений... Но осадок остался у всех отвратительный. И виноват был, конечно, я. (Блин! Да как я ухитрился разыгрывать все эти сюжеты, в то время как дома меня ждала ничего не подозревающая жена и пацаны? Просто удивляюсь. И вспоминаю с ужасом.) Мне хотелось как-то замаять тот инцидент. Все-таки, я считал его своим другом, а ту историю – досадным недоразумением.

Я съездил в «Спектр», нашел Валеру, и мы договорились, что он придет ко мне сразу после работы – часов в одиннадцать. Я придумал, как протащить его мимо бдительного портъе, потом мы намеревались выпить пару бутылок коньяку, а оставшийся кусок ночи проспать на моей (благо, обширной) кровати.

Случилось так, что именно в этот вечер с теми же намерениями приволок к себе друга и мой глухонемой сосед. Сначала мы пили порознь. Потом вместе. Это было довольно прикольно, бухать с глухонемыми: мы писали тосты на бумажках, беззвучно улыбались друг другу, жали руки... Было очень тепло и уютно. Душевно.

Назавтра я улетел в Одессу. Прибыл туда поздно вечером. Нашел дом по записанному адресу. Краина. Позвонил снизу, с телефона-автомата, который висел на стене подъезда. Напомню, что из Томска я звонил ей каждый день, но говорили мы мало: дорого.

... Трубку сняла Элина сестра Ленка. Позвала Эльку.

– Чего так поздно? – спросила та, уверенная, что я звоню из Томска.

– Соскучился.

– Я тоже...

И мы ворковали так минут десять. Потом она сказала:

– Ну ладно, давай заканчивать, а то разоришься.

– Ну и пусть, – заявил я, – не хочу заканчивать...

Мы проговорили еще с полчаса (!), раз сто признавшись друг другу в любви. Элька даже всплакнула. Потом шмыгнула носом и спросила:

– У тебя что, бабушка в Америке умерла? Ты уже на свою месячную зарплату наговорил...

– А ты бы хотела меня увидеть? – спросил я. – Прямо сейчас.

Элька снова заплакала:

– Хотела бы... Зачем дразнишься...

– Тогда спускайся вниз, я тут, в подъезде стою...

Она чуть с ума не сошла.

... Выяснилось, что Ленка живет в малюсенькой однокомнатной квартирке с мужем по фамилии Мишек и двумя «медвежатами». Элька спала у них на полу... Вдвоем мы там спать не могли, потому что, понятное дело, трахались бы всю ночь, как морские свинки, и не давали бы спать хозяевам. Так что мне постелили на балконе. Но в середине ночи, когда Мишеки вроде бы заснули, она переползла ко мне. В итоге все эти дни мы с Элькой прожили на балконе. Странно, что он не обвалился. Позже, когда я уже уехал, Ленка выяснила, что мы на этом балконе были бесплатной порнопрограммой для всех ее соседей.

И все-таки я немного поспал под утро первой ночи в Одессе. А когда проснулся, не поверил своим глазам: прямо напротив балкона стояло дерево, усыпанное здоровенными желторозовыми плодами. И вдоль шоссе таких деревьев было много. А когда я уезжал из Томска, там еще лежал снег.

Я впервые был на Юге. Я был слегка пьян. Я всю ночь занимался любовью. Я решил, что я в раю. Я разбудил ее:

– Элька, это что? Яблоки? Абрикосы?

– Какой ты глупый! – сказала она. – Это же каштаны!

И снова уснула. А я окончательно уверился, что я в раю. Я много раз читал в книжках про печеные каштаны. В мое сибирское сознание не укладывалась возможность того, что вот так, дико, на улице, может расти столько вкусной еды. Потом, правда, выяснилось, что эти каштаны несъедобные, кормовые.

Ощущение подтвердилось и днем, когда мы отправились в Отраду – купаться в море и жрать креветки с пивом. Креветки продавали бабушки, стаканами, высыпая их в кулечки, как у

нас продают семечки... Это было чудо. А когда мы ехали по канатке, мне показалось, я попал в кино, ведь тогда как раз только-только вышел фильм «Асса» с Гребенщиковской песней «Под небом голубым».

* * *

Я привез с собой в Одессу окончательно отредактированную рукопись повести «Бабочка и Василиск». Я очень хотел, чтобы ее прочла Элька, ведь эта книга родилась из нашей любви⁶, хотя реальных событийных параллелей между ней и нашей историей почти не было. Днем мы пошли на работу к Мишеку – в редакцию газеты «Одесский рабочий». Надо отметить, что название это являет собой пример оксюморона – сочетания несочетаемых слов. «Сладкая соль», «еврейский крестьянин», «одесский рабочий»... Только мы пришли, Мишеку срочно понадобилось куда-то сходить, и он ушел, оставив нам ключ от кабинета. Думаю, он сделал это из вежливости, понимая, что его общество нам не так уж и необходимо.

На улице было жарко, но в кабинете – довольно прохладно. Мы сначала целовались, занимались чем-то вроде петтинга, а потом решили попить пива. Рукопись «Бабочки» у меня была с собой. Я сделал так: посадил Эльку за стол читать текст, а сам пошел покупать обратный билет в Москву. Вернуться в редакцию должен был с пивом. Чтобы никто в кабинет не вломился, я закрыл Эльку снаружи, и ключ взял с собой.

Одесса. Я люблю этот город за его пропитанные солнцем мостовые, за увитые плющом балконы, за потрескавшиеся белые стены домов, которые словно бы вылеплены детьми. За большегрудых южных девушек, на которых я, правда, только глазел... Но одесситы меня часто раздражали. Прежде всего, своим неумным желанием шутить, когда это уместно и когда неуместно.

... Я ехал в трамвае к вокзалу. Неожиданно трамвай остановился между остановками, водитель, ни слова не сказав, вышел и удалился прочь. Минут пять я сидел молча, думая: может быть тут так заведено? Я обернулся к пожилой женщине позади меня.

– Извините, – обратился я к ней, – долго ли трамвай будет стоять?

– И это вы спрашиваете меня? – всплеснула руками одесситка.

– Может, вы знаете...

– Послушайте, что вы от меня хотите?! Я такой же пассажир, как и вы, и я нахожусь в таком же недоумении!

Я решил подойти с другой стороны:

– А далеко ли еще до вокзала? Как вы мне посоветуете: выйти и добраться до него пешком или ждать водителя?

– Разве вы сами еще не поняли, что такой водитель может не прийти вовсе?

– А в какую сторону мне идти?

– Идите, куда хотите.

– Я хочу на вокзал, – напомнил я слегка раздраженно.

– Идите по рельсам, не ошибетесь.

Так я и сделал. Но метров через сто я добрался до аккуратной развилки. Одесская ведьма не удосужилась предупредить меня об этом. Куда я должен идти – налево или направо? Я остановил проходящего мимо мужчину:

– Простите, вы не могли бы мне подсказать, куда мне идти, если я хочу добраться до вокзала – налево или направо?

⁶ У Сереги Лукьяненко мне больше всего нравится повесть «Принцесса стоит смерти» – первая часть трилогии «Лорд с планеты Земля». Когда я ему однажды сказал об этом, он объяснил: «Дело в том, что эта повесть – развернутое признание в любви». Видимо, такие произведения обречены стать удачей.

Мужчина мило улыбнулся:

– Видите, позади вас трамвай? Если вы сядете на него, вы попадете прямиком, куда хотите.

– Дело в том, что я только что сошел с этого трамвая, так как он, по-видимому, сломался.

– Ну, это уже ваши проблемы, – развел руками мужчина, и, довольный собой, похотывая, удалился.

Очень хотелось его догнать и набить морду. Да время не позволяло.

... Нашел вокзал, купил билет, купил пиво, вернулся часа через два с половиной, открыл кабинет... Я еще никогда не видел Эльку такой зареванной. Рукопись «Бабочки» была мокрой насквозь. Вот тогда я утвердился в мысли, что я и впрямь написал хорошую вещь. Может быть даже гениальную.

Выборы. У Эли.

Так шли день за днем. Год за годом. Наверное, Штирлиц столько не врал немцам и не изворачивался, сколько изворачивался и врал я. В начале я думал, что это не любовь, а увлечение, думал, это скоро пройдет, и тогда вместе с разочарованием наступит и облегчение, а главное – упрощение. Но этого не происходило. Я любил все сильнее, я хотел все больше времени проводить с Элей, а потому врал все больше, и напряжение, которое, правда, чувствовал только я один, все росло и росло. Я выдерживал только потому, что был перезаряжен любовью.

Струна натягивалась все туже, звучала все более щемяще. И однажды она лопнула. Эля опять была в Одессе, я скучал. Она позвонила мне домой, и именно я подошел к телефону. Но не смог разговаривать с ней деловым тоном, не смог сказать: «Я вам перезвоню»... Я понимал, что жена слышит то, как я разговариваю. Дело ведь было даже не в словах, а в интонациях. Крышу у меня снесло напрочь.

И потом, на вопрос, – «С кем это ты так мило беседовал?», я ответил: «С любимой».

* * *

Было много боли, много слез. Но я твердо решил разводиться. Это решение носило, скорее, инфантильный характер: я твердо знал, что хочу быть с Элей. А жена была не из тех, кто мог бы терпеть наличие любовницы. Но тут встала бытовая проблема. Мы с женой жили у моих родителей. Я не мог ее «оставить», я мог лишь вынудить уйти ее. А уйти, точнее, уехать вместе с пацанами она могла только к своим родителям – в умирающий городок Балей Читинской области. Это было неприемлемо, значит, я должен был срочно обеспечить ее и детей квартирой.

В те времена люди десятилетиями не могли решить «квартирный вопрос», а я вознамерился решить его моментально. Но «мы выросли в поле такого напряжения, где любое устройство сгорает на раз...» Говорят, при пожаре люди выносят на себе сейфы, которые потом не могут даже приподнять. Так и у меня в экстремальной ситуации вдруг обнаружились такие залежи хитрости, о существовании которых я даже не предполагал.

Эля, которая была в курсе всех моих дел, принесла мне номер северской⁷ газеты «Диалог», где красовалось объявление о конкурсе на замещение вакантной должности редактора. Не долго думая, я подал заявление на участие.

Оказалось, все непросто. Оказалось, на пост редактора претендуют два кандидата – известный в городке демократ и известная в городке коммунистка. Собственно, выборы редактора были лишь поводом для очередного сражения этих двух главных в городе политических сил. Когда об этом узнавали другие претенденты, они забирали свои заявления, понимая, что всерьез их никто не примет.

Оказалось так же, что заявления претендентов будет рассматриваться не в отделе кадров, а, ни много, ни мало, на сессии Городского совета. Голосовать будут все депутаты...

Я бы, наверное, тоже забрал свое заявление, но это был для меня еще и единственный реальный шанс побывать в закрытом Северске, то есть в гостях у Эли. И я решил, что «с худой овцы хоть шерсти клок»: не вышло с квартирой, так хотя бы впервые загляну домой к любимой.

На меня оформили пропуск и, провезя через колючку с вооруженными автоматами часовыми, доставили прямиком на сессию горсовета. Стали выступать претенденты на редакторский пост. Демократ минут двадцать рассказывал о себе, о своей политической платформе, и о том, какой он видит газету в будущем. То же самое проделала коммунистка. Настала моя

⁷ Северск – небольшой закрытый ядерный город-спутник Томска

очередь. Я был уверен, что меня выбрать не могут, потому сказал то, что думаю. Примерно следующее:

– Уважаемые депутаты. Если бы я знал, что выборы редактора городской газеты будут превращены вами в постыдный фарс, я бы забрал свое заявление. Все вы делитесь на два лагеря – демократов и коммунистов, и вы будете голосовать за соответствующих претендентов. Я же выставлен тут для создания видимости альтернативы, как мальчик для битья. Считаю такой подход по отношению к себе некорректным, я бы даже сказал, оскорбительным. А, между прочим, я хороший журналист, даже писатель. И вообще, я вам ничего плохого не делал. Так как шансов у меня никаких нет, я покидаю это дурацкое собрание.

Сойдя с трибуны, я поспешил в гости к Эльке. Ее комната мне очень понравилась. Там было уютно, а под стеклом на письменном столе красовались мои фотографии. Родителей дома не было, и мы трахались с ней поочередно на всех кроватях, диванах и креслах.

Потом Эля вспомнила, что с сессии горсовета должна идти прямая трансляция по городскому радио. Это было очень по-северски. Сессия шла три дня, и три дня по радио ничего кроме косноязычного бормотания депутатов да комментариев журналиста услышать было невозможно. Мы включили приемник. И почти сразу диктор сообщила:

– Голоса подсчитаны. Подавляющим большинством на должность редактора газеты «Диалог» выбран молодой журналист из Томска Юлий Буркин!

Я просто обалдел.

– Интересно, – сказала Элька, – если бы они знали, чем ты занимался все время, пока они там заседали, и как тебе на все это насрать, они бы тебя выбрали?

Но на самом-то деле мне было не совсем насрать, и я сорвался обратно на сессию. Был перерыв, депутаты тусовались на улице, курили. Когда появился я, они принялись меня поздравлять. Потом один сказал:

– Ничего не понимаю. Ты назвал нас дураками, сессию горсовета – постыдным фарсом, а мы тебя выбрали.

Другой заметил:

– Я за него проголосовал, чтобы потом хвастаться, мол, я ни за демократов, ни за коммунистов не стал свой голос отдавать, я за этого наглого пацана проголосовал... Думал, один такой буду.

Потом выяснилось, что примерно так рассуждали почти все депутаты.

В результате я стал редактором «Диалога», через полгода получил новенькую трехкомнатную квартиру и смог развестись с женой. Не скажу, что моя совесть была при этом чиста, но, во-первых, без квартиры она была бы еще грязнее, во-вторых, я был влюблен, и совесть меня особенно не беспокоила. Нет никого эгоистичнее, чем счастливый любовник. Ему кажется, что его чувство оправдывает все.

Северск

Город Северск (Томск-7 или Пятый Почтовый) – явление уникальное. Его надо изучать. Причем не только и не столько социологам, сколько биологам. Мухам дрозофилам далеко до тех удивительных высот, коих добились жители этого города в способности превращаться в новые виды себе подобных. Историю создания Почтового я знаю только понаслышке, но я видел результат и склонен этим данным верить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.